

Купить книгу "МКС "БУРАН". Непридуманная история создания, свершений и забвения"

В.И. Карасе

МКС "Буран". Непридуманная история создания, свершений и забвения

МОРКНИГА
Центрмаг

*Светлой памяти моих родителей Ивана Федоровича и
Антонины Степановны посвящается...*

Часть I.

Как молоды мы были, как искренне любили, как верили в себя...

Глава 1. Начало начал

Биография любого человека начинается со слов: «Родился такого то числа, такого то месяца, такого то года, там то, в семье...» и так далее.

Биография автора этих строк не явля-

ется исключением. Родился 21 марта 1947 года в селе Ардатово¹ Дубёнского района Мордовской АССР в семье учителя. Отец мой, Иван Федорович Катаев, вернувшись с фронта, преподавал историю и математику сначала в Дубёнской средней школе, а затем в селе Ардатово в местной семи-

¹Наше село Ардатово было названо переселенцами в честь Старого Ардатова (основано в 1510 г.), откуда они в поисках лучшей доли в 1614 году в количестве 6 человек пошли искать свое счастье. В свою очередь, название поселения Старое Ардатово происходит от дохристианского имени первого поселенца эрзи Ардата (Ордата), который вместе «с товарищи Рамстей и Истрын на реке Пьяна основали поселение и защищали его от притязаний монастырской братии».

Наконец шестеро беглых крестьян из поселения Старое Ардатово обосновались на Метяковской (Тетяковской) пустоши, что на берегу речки Чеберчино (ныне там проложено шоссе республиканского значения до Ульяновска). Интересно отметить, что среди семейных переселенцев был и бобыль Катайка. Вскоре и он нашел свою вторую половину. В результате чего от него пошел род Катаевых, получивших, как и другие переселенцы, фамилию, согласно дохристианских прозвищ, во время генеральной переписи населения России в XVII веке.

В повседневных заботах незаметно шло время. Деревня разрасталась, прибавлялось и население. Так, в 1624 году в деревне Ардатово было 6 дворов, 6 человек, в том числе 1 бобыль, 1671 году – 6 дворов, 12 человек, в 1696 году – 19 дворов, 82 человека, в 1719 году – 19 дворов, 54 человека, в 1721 году – 19 дворов, 69 человек и т. д.

В 1624 году показано пашии паханной 45 чет. в поле «земля добра», сена по конец поля и меж пашен 20 десятин. Что касается бортовых ухажав, то из книги Д. Пушечникова видно, что жители деревни совместно с мордвой многих других деревень ходили на ряд ухажав, а именно: Ашекудимский – помра Керямсерка, Керямсюрка, Керямшарка, Пузамболу на речке Большой Саре, Лузинский на реке Алатыре, Миренский между Арзамасской дорогой и Саханским рубежом. В 1671 г. за Ардастовой значится оброк лишь с Саханского ухажая, который, быть может, тот же, что и только что упомянутый Миренский. Хлебный оклад Д. Пушечниковым определен в 4 1/2 юфти. В 1671 г. платежей приходилось: медом 24 фунта, хлебом 6 1/8 юфтей и деньгами 2 руб. 21 алтын 13 1/4 денег. Размер медвяного оброка оклада в 1624 г. не может быть установлен, т. к. ардастовцы ходили ухажав совместно с жителями других деревень (А. Гераклитов. Алатырская мордва по переписям 1624–1721 г. Научно-исследовательский институт Мордовской культуры при ЦИК Мордовской АССР. – Саранск: Мордовгиз, 1936).

При создании Симбирского наместничества в 1780 году деревня Ардатово, при речке Метякове, дворцовых крещёной мордвы, вошла в состав Котьяковского уезда (деревня Котьяково на речке Чеберчинка), в котором жило 139 ревизских душ. В «Списках населённых мест Симбирской губернии» (1863) Ардатово входило в Дубёнский-Поводимовскую волость как «деревня удельная из 156 дворов с населением 746 человек мужского пола, 738 человек женского пола» Алатырского уезда. В 1864 году в селе Ардатово возводится новый деревянный храм, с престолом во имя Святителя и Чудотворца Николая. В 1884 году в частном доме открывается церковно-приходская школа. В 1884 г. в Ардастове было 233 двора (1934 чел.); в 1913 г. – соответственно 320 и 2177, в 1927 г. насчитывалось 1984 чел.

В конце апреля – начале мая 1918 года на территории Дубёнского-Поводимовской волости было создано пять сельских Советов: Дубёнский, Поводимовский, Чиндяновский, Ардастовский и Петровский. Председателем Ардастовского сельского Совета был избран Якунчев Илья Павлович, секретарём Сырескин Иван Михайлович. Зинкин Андрей Михайлович, Вачаев Никита Максимович, Рузавин Иван Дементьевич стали инициаторами установления и упрочения Советской власти на селе. К середине июня 1918 года помещичьи и удельные владения были ликвидированы, хозяевами земель и других угодий стали сами крестьяне. В 1919 году в Дубёнский-Поводимовской волости организовали сельские партийные, а вслед за ними и комсомольские ячейки.

Во время становления новой власти в отношении жителей села допускались перегибы и репрессии. Согласно спискам реабилитированных от 18.10.1991 года, из села Ардатово было репрессировано несколько семей: Еряшева Петра Прокофьевича, Катаева Егора Фёдоровича (близкий родственник нашей семьи – брат деда Федора), Лизунова Андрея Алексеевича, Письмерова Антона Павловича, Суханова Василия Семёновича и Суханова Ивана Яковлевича.

В 1928 г. было создано ТОЗ «Маклага», в 1929 г. – колхоз им. Калинина (первый председатель Я. И. Биушкин), а в 1959 г. – колхоз им. XXI партсъезда (председатель П. А. Булавкин). С 1996 г., в духе нового времени, вместо колхоза был создан сельскохозяйственный производственный кооператив «Дружба».

На снимках изображены мои дедушка и бабушка со стороны мамы. На левом фото бабушка Лукерья, а на правом – дедушка Степан.

Оба фото из семейного архива

летке. Мама моя, Антонина Степановна Катаева, также работала учительницей в Ардатовской семилетней школе. Она учила уму-разуму местных малышей в начальных классах.

Жили мы дружной семьей в доме, построенном в 1907 году моим дедом Федором Федоровичем Катаевым сразу же после его возвращения из Маньчжурии, где он воевал с японцами в 1904–1905 гг. Об этом говорила дата «1907 ГОДЪ», вырезанная и закрашенная голубой краской на фронтоне дома.

Мои далекие предки вместе с первыми переселенцами обосновались здесь в 1614 году, и с той поры они постоянно жили в деревне Ардатово Алатырского уезда Симбирской губернии на улице, где жил и трудился известный портной села, отчего впоследствии и улицу в честь мастера стали называть Штаны. После революции, в духе времени, она была переименована в Пролетарскую. До райцентра от нас расстояние было около 4 км, а до столицы республики Саранска – около 100 км. Одним словом – сельская глушь.

Сколько я помню, каждый день с утра наши родители уходили на работу в школу, а мы с братиком Васей оставались хозяйничать дома. Вася был на два года меня младше. Была у нас и сестренка Валя, но она умерла еще совсем маленькой.

Мои родители специально нашим воспитанием, по канонам педагогических наук, не занимались, а просто воспитывали нас своим примером в повседневной жизни. Мы с Васей, чуть ли не с пеленок, живя в нашем маленьком семейном коллективе, вместе с родителями имели свои обязанности, которые, по мере возможности, старались строго выполнять. И если мы из-за шалости или по еще какой причине «сходили с рельсов», то сразу же получали «пилюли» по заслугам. До седых волос не забуду некоторые воспитательные случаи из своей богатой детской биографии.

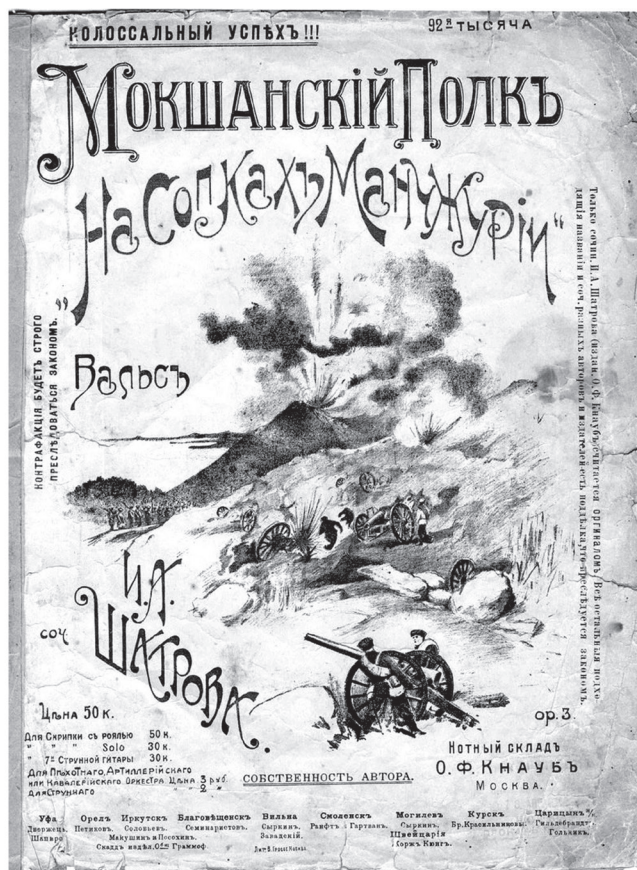
Многие мои товарищи и ныне удивляются, «как это я, для пользы дела и снятия напряжения в трудную минуту, ни разу в своей жизни не выразил свои эмоции трехэтажным народным...». Хотя один раз это все же случилось. Но с той поры и до сегодняшнего дня ни-ни!

Дело было так. Накануне какого-то праздника в нашем доме собралась вся школьная интеллигенция. Гости были в веселом настроении. На столе, рядом с кучей грампластинок, играл патефон. Пары под звуки мелодий вальсов, популярных в послевоенное время («На сопках Маньчжурии», «Амурские волны» и т. д.), кружились по комнате.

Было мне тогда не более четырех лет. Поддавшись всеобщему настроению, между ними крутился и я. Взрослые, подбадривая меня, приглашали на вальс, но у меня это не получалось, да и дам моего возраста, увы, не было.

Вот тогда я, решив показать всю свою удаль и мастерство перед гостями, одним движением руки молниеносно распахнул створки окна и на всю Пролетарскую улицу громко, что есть мочи, выразил свое настроение народным трехэтажным матом!

Взвизгнув на середине мелодии, остановился патефон. В комнате наступила мертвая тишина. Все присутствовавшие испуганно смотрели на источник истош-

Моему деду со стороны отца Федору довелось участвовать в Русско-японской войне 1904–1905 гг. На фото изображены нижние чины 214-го резервного Мокшанского пехотного полка Ф. Ф. Катаев (слева) и П. И. Сайнин. Капельмейстер полка И. А. Шатров в 1906 году, в память о своих однопольчанах, погибших в бою, сочинил вальс «Мокшанский полк на сопках Маньчжурии», который популярен в народе до настоящего времени.

Оба фото из семейного архива

ного матерного крика. Расталкивая гостей, к окну бросился красный как рак мой отец...

Неожиданно для себя, по мягкому месту я получил несколько увесистых и чувствительных «пилюль», а затем кто-то сзади схватил меня за мою «портупею» от штаншек, и я в одно мгновение вознесся над испуганными гостями и «поплыл» над их головами в сторону русской печки. Мягко приземлившись на одеяло уютной лежанки, я очутился в компании недовольных кошек, которые мирно спали после «ночного дежурства во дворе».

Слез не было. И так все было ясно. Хорошо еще, что у нас были гости, и я отделался довольно легко, а могло быть значительно хуже. Но этот случай я запомнил на всю жизнь. С той поры на всякие народные

мудрые изречения в моей лексике было поставлено жесткое табу.

Позднее, предчувствуя неотвратимое наказание от родителей, было поставлено табу и на другие, выходящие за пределы дозволенного, поступки и шалости, случавшиеся в детские годы.

Босоногое мое детство прошло на берегах местной речушки Барешомки и в густых дубравах Петровского леса, находившихся недалеко от нашего села. С самого раннего детства мы были предоставлены самим себе: зимой на ледянках или на лыжах катались со склонов местного оврага; летом вместе с детворой убегали на речку ловить рыбешек или купаться, а то и на весь день уходили в лес собирать ягоды и грибы. Осенью совершали набеги на сады

соседней улицы, находившиеся сразу же за оврагом. Иногда нас заставляли на месте «преступления» и, предварительно выпоров крапивой, с вещественными доказательствами волокли на суд праведный к родителям...

Любили мы и волшебство новогодних праздников. Они начинались в декабре. В последних числах месяца, провожая старый год, мы, заранее сделав запасы соломы в овраге, где катались на ледянках, разжигали костры. Наиболее храбрые из нас, загадывая желания на будущий год, прыгали через пламя костра.

Во время зимних каникул мы со всеми встречали Новый год. Ёлку (сосна, привезенная из леса) в новогодние каникулы для школьников младших классов устраивали в школе (взрослые отмечали Новый год в сельском клубе). На нашей ёлке красовались, купленные в магазине, немногочисленные стеклянные и картонные игрушки. Кроме них, на ней также выделялись, сделанные нашими руками, бумажные игрушки. В классных комнатах на нитках, протянутых от противоположных стен к висящей на потолке лампочке, свисали бумажные гирлянды и флажки.

Летом, как уже упоминалось выше, босячье детство проходило на просторах широких полей, в тени лесных опушек с ягодами и грибами и на берегах небольших речушек, кишевших пескарями и другой мелочью. С утра и до вечера с местными мальчишками и девчонками мы пропадали на этих просторах, питаясь «подножным кормом», изредка забегая домой за вкусно пахнущей краюхой ржаного хлеба, а затем вновь исчезали с глаз долой до самого вечера.

В течение дня мы решали «грандиозные» задачи, не забывая прочесать соседские огороды и сады, пока деревенские бабули под палящими лучами летнего солнца дремали на завалинках. Порой нас, застигнутых врасплох на месте преступления, стегали крапивой по голому

На фото изображена семья Катаевых в 1948 году: слева моя мама Антонина Степановна (у нее на коленях сидит – будущий автор этой книги), рядом с ней бабушка Акси́нья с племянницей Таней, а за ними стоит, облокотившись на спинку стула, мой отец – Иван Федорович.

Фото из архива автора

заду, или, о ужас, разъяренные бабули нас, упирающихся, волоком тащили на суд родителей. И тогда доставалось нам по полной программе. Матери при этом лишь горестно причитали, грозя вечером рассказать обо всем отцу – главному нашему божьему наказанию. У отца разговор был короткий – широкий армейский ремень и баста. Ремня мы боялись пуще всего. Но до вечера еще было далеко, и за это время можно было примерным поведением и подвигами на грядках заслужить у мамы отмены «ременного приговора», да и отец возвращался с работы затемно, когда малолетние нарушители уже спали крепким сном праведника.

А наутро все забывалось, и безмятежное детство в обществе ленивых кошек, дво-

ровых собак и верных друзей и товарищей продолжалось. Помнится, случались и «грандиозные события» местного масштаба, которые запоминались на всю жизнь. Это и прокладка рядом с селом двух высоковольтных линий Москва – Куйбышев, и пролет невысоко над домами первого самолета «кукурузника» из Саранска в Дубёнки, и другие необычные для того времени события.

Например, никогда не забудется, как громадная зеленоватая «птица», ревя мотором, неожиданно появившаяся из-за деревьев, пролетела буквально в метре над крышами наших домов. Суеверные бабули, неистово крестясь и издавая вопли ужаса, торопливо хватали своих малолетних подопечных и стремглав бросались по домам.

У кур, которые еще минуту назад спокойно прохаживались у дома, при виде громадной ревущей «птицы» начиналась истерика, и они, кудахтая на всю округу, в ужасе прятались в густых зарослях лопуха и крапивы. Собаки, задржав свои головы, злобным лаем провожали это летающее чудовище. Признаться, пугались и мы, так как подобное зрелище нам ранее не приходилось видеть. И лишь фронтовики, не удосужив вниманием происходящее в небе, со смехом говорили: «И чего вы все раскудахтались, летит обыкновенный фанерный самолет, обтянутый тряпкой».

Как позднее рассказали мне мои родители, это был самолет Ан-2 пассажирской линии Саранск – Дубёнки. Хотя его корпус и был металлический, но каркас крыльев был обтянут перкалью (ткань). Подобная легкая конструкция могла садиться на любую лужайку. Вскоре он у нас стал самым популярным видом пассажирского транспорта. И вместо того, чтобы два часа трястись в пыльном автобусе, все охотно садились в него и летали в столицу республики, потратив туда и обратно около часа.

Рыбалка

Поход на рыбалку всегда планировался заранее. Утром, чтобы проснуться с петухами, мы накануне ложились спать пораньше. Проснувшись чуть свет, я с братом, схватив по лопате, бежал на задворки – копать навозных червей. Удивительно, но местные пескари и усатые гольцы вместо дождевых, хотя и жирных, червей предпочитали навозные, которые на вид были менее аппетитные.

Накопав наживку и забрав с вечера приготовленные удочки, мы через огород, под сопровождением верного друга – Байкала, вышли на задворки. Хотя в низинах еще лежал туман, но на востоке из-за горизонта уже появились яркие лучи восходящего солнца. Судя по всему, день обещал быть знойным.

За околицей нас уже ждали соседские ребята. Торопясь к ним, мы побежали по тропе между зелеными ростками картофеля. Прохладная утренняя роса смывала с босых ног пыль и грязь, которые уже с утра к ним успели прилипнуть.

Проскочив конюшню и ферму, мы перешли через плотину на другую сторону небольшого пруда у кирпичного завода, где уже с раннего утра всюду трудился народ. Мы, не отвечая на шуточные реплики со стороны молодых девчат и парней, продолжили свой путь дальше.

Наконец, мы пересекли пустынное республиканское шоссе и лесопосадку и вышли на простор. Перед нами открылась бескрайняя ширь полей, и там впереди, в низине, уже хорошо просматривались заросли ивняка в пойме речки, а слева на горизонте просматривались ажурные опоры высоковольтных линий Москва – Куйбышев. До речки Барешомки уже было рукой подать.

От лесопосадки дорога шла под уклон, и мы незаметно для себя ускорили ход. Уже хорошо просматривались берега Барешомки и, судя по всему, среди зарослей ивняка пока никого не было видно. Мы

Мои друзья детства. На снимке в первом ряду слева направо сидят: Петя Сульдин и Федя Зинкин. Во втором ряду слева направо стоят: Женя Сульдин, мой брат Вася, Миша Салмин и Вася Сульдин. За ними стоят слева будущий автор книги и Дмитрий Катаев.

Фото Алексея Сульдина

были первыми, и поэтому могли занять самые лучшие места, где в изобилии водились пескари, усатые гольцы и другая мелкая рыбешка.

Придя на живописный берег Барешомки, мы разошлись по своим любимым «насиженным» местам, где, казалось нам, клевало лучше, чем в других местах. Затем, устроившись в кустах поудобнее и насадив на крючок извивающегося червячка, закидывали удочки. С этого момента все наше внимание было сосредоточено только на поплавке, который пока спокойно плавал на поверхности воды.

Как правило, с раннего утра рыбка была прожорлива, и поэтому поклевка в эти часы была что надо. Вот и сейчас поплавок нервно задергался, а затем стремительно заскользил по поверхности воды. В этот момент не зевай и быстрее подсекай...

И вот уже серебристая рыбешка, резким движением выдернутая из воды,

плюхнулась у ног и начала суматошно подпрыгивать и метаться в густой траве. Издавая вопли радости, бросаешься к ней. Хватаешь трепыхающуюся рыбешку и, дрожа от волнения, снимаешь её с крючка. На твои радостные вопли с соседних кустов с любопытством выглядывают соседи и с завистью наблюдают за первой твоей удачей. Некоторые, не выдержав, подбегали ближе и просили показать рыбешку...

К обеду солнце поднималось все выше и выше к зениту. Начинало припекать. К этому времени уже у многих банки до краев наполнились уловом, да

и поклевка к обеду становилась вялой. В связи с этим возникало желание искупаться. Сказано – сделано. Поплавав в прохладной воде, а затем позагорав немного, мы по пыльной дороге веселой гурьбой отправлялись домой.

Приближаясь к нашему дому, неожиданно у картофельной борозды во главе с кошкой-мамой встречаем наше кошачье семейство. Они, собравшись у картофельного поля, терпеливо ждали нас с рыбалки, а затем, просительно мяукая, дружной кошачьей толпой сопровождали нас до самой калитки. До сих пор для меня остается загадкой – откуда они узнавали, куда это мы утром направляемся и когда появимся со своим уловом? Ведь подобной прыти у них не наблюдается, когда мы ходим в лес за грибами или просто через огород выходили в поле за травой для поросят. Вот загадка!

Следует заметить, что дома у нашей мамы наш «богатый» улов, как правило,

*Снимок сделан накануне 1 сентября 1954 года.
На переднем плане сидит моя мама, рядом с
ней – мой младший брат Вася, сзади стоят отец
и ваш покорный слуга.*

Фото из архива автора

не вызывал большого энтузиазма и она возиться с нашей мелочью не желала. Зато наше кошачье семейство, словно чуя подобный оборот событий, начинало настойчиво требовать своей законной доли за «ночное дежурство» по охране хозяйского добра от грызунов. Поэтому нам ничего не оставалось, лишь как угостить этим богатством наших мурлык, а их у нас было четверо: кошка-мама, старший сын и два котеночка-переростка. Кошка-мама чуть ли не каждый день уводит свое семейство на охоту в окрестные поля. Иногда они пропадают там на целую неделю – охраняя, по их разумению, наше хозяйство от местных грызунов – полевых мышей. Во время удачной охоты кошка-мама не забывала и о «вожаке стаи», принося к ногам нашей мамы добычу в виде полуживой полевой мышки.

Однако вернемся к нашему улову. Иногда нам везло, и наш очередной улов шел по назначению и в виде уха попадал на стол. Но это, как уже говорилось выше, было редко. Чаще мы сами, предварительно договорившись, из нашего улова на берегу оврага коллективно готовили уху. Для этого мы распределяли обязанности: одни готовили дрова, другие разжигали костер, остальные всем табором чистили картошку и т. д. При этом каждый из нас для общего стола правдами и неправдами «конфисковывал» из домашних запасов необходимые продукты для ухи, нес их к заросшему ивой, крутому берегу оврага за огородами и складывал в «общий котел».

К этому времени здесь уже все полным ходом трудились. Рулил этим процессом мой родственник, друг детства – Митя. Он на правах старшего по возрасту контролировал порученную каждому участнику работу: кто-то чистил картошку, кто-то нарезал лук, а кому-то доставалось готовить наш улов. Крупную рыбу чистили, а часть мелкой, размером с мизинчик, либо отдавали прожорливым дармоедам-мурлыкам (удивительно, но они находили нас и здесь), либо с потрохами бросали прямо в котел. Все зависело от количества рыбы.

Наконец, когда все было готово, котел с драгоценным содержимым водружали на импровизированный очаг, и все, усевшись вокруг, глотая слюни, начинали травить байки из богатой приключениями жизни «рыбака». Через некоторое время, увидев за огородами поднимающийся в вечернее небо дымок, для выяснения причины «безобразия» прибывал главный пожарный села – дядя Петя Зинкин. Узнав, в чем дело, он, для порядка дав указания своему отпрыску по соблюдению правил пожарной безопасности, охотно присоединялся к нам. Человек он душевный – сам охотник, поэтому хорошо понимал родственную душу рыболова. Через некоторое время на дымок подходили и другие наши знакомые и соседи.

Наконец, уха сварилась. Мы тесной компанией рассаживались вокруг котла и принимались за уху. Таких вкусных блюд на берегу ни раньше, ни позже мне не приходилось есть.

В лес за грибами

Еще одним приятным увлечением детства для нас был поход в лес за грибами. Как правило, ходили мы туда вместе со взрослыми, но со временем, повзрослев, мы не боялись путешествовать в лесных дебрях и одни. Причем в обоих случаях приносили полные корзины грибов. В нашем Петровском смешанном лесу водились самые разнообразные грибы: лисички, маслята, рыжики, белые грибы, подберезовики, подосиновики и грузди, весной и осенью собирали мы и опята, а летом ходили и за луговыми опятами, которые росли рядом с селом по склонам оврагов. Там же мы попутно собирали клубнику, а в лесу – землянику.

Собрав грибов полные корзины, ближе к обеду мы заходили на пасеку провести дядю Мишу, который работал здесь чуть ли не с самого окончания войны. Дядя Миша был фронтовиком и, видимо, был тяжело ранен – его голова постоянно

дергалась. Летом он на пасеке жил в небольшом домике, а осенью, вывезя ульи, возвращался в село.

Следует признать, что из-за вынужденного одиночества он нашему приходу был всегда рад. Все расспрашивал, как там, в селе, все ли живы и здоровы. Мы с ним охотно делились новостями и сплетнями, которые циркулировали у местных «СМИ» – «бабулек на завалинках». Зная, что мы любим мед, он нам в миску наливал свежего меда, и мы, макая ломтики ржаного хлеба, с удовольствием лакомились этим сладким и душистым чудом. В свою очередь, мы, выбирая самые лучшие грибы, оставляли их ему на ужин. Следует заметить, что дома, в отличие от рыб, наши родители к нашим дарам леса относились более уважительно: мама любила жарить лисички, отец предпочитал соленья грузди и рыжики, а мы любили и те, и другие – вплоть до луговых опят.

Хватит гулять, пора работать...

У читателя может сложиться обманчивое впечатление, что вот повезло ребятам – безоблачное счастливое детство, сплошной курорт и никаких забот. Далеко не так. Когда мы чуть подросли, и у нас появились

Родные просторы. Над селом утренний рассвет. И хотя в низинах еще лежит туман, но на востоке из-за горизонта только что «брызнули» яркие лучи солнца, но мы уже со своими удочками, шлепая по росе босыми ногами, торопимся на речку...

Фото автора

заботы, да еще какие: зимой, несмотря на непогоду, – напилить, наколоть дров, натащить воды из колодца, натопить печку, накормить свиней, кур и другую живность, не забывая мурлык и собаку. И это еще не все: независимо от времени года, от нас требовали постоянно содержать в чистоте дом (в том числе сени и крыльцо), а зимой чистить от снега тропинки вокруг дома и к колодцу.

Зимой в банный день забот прибавлялось: приходилось через сугробы прокладывать дорожку от крыльца дома до бани, а затем от неё через весь огород до колодца. Приготовить дрова, натащить из колодца воды и наполнить котлы в бане.

И все это надо было сделать, пока родители заняты другими домашними делами. Плохо, если ты у родителей один, вдвоем с братом все же полегче. Хотя и здесь возникали проблемы с распределением обязанностей между нами. Поэтому, после нудных переговоров с братом или с сестрой, по очереди выполняешь свою долю трудовой повинности.

Летом, помимо вышеперечисленных обязанностей, на бедные плечи ложатся огородные и приусадебные работы: приходилось вместе со всеми возделывать грядки под овощи, высаживать лук, репу, огурцы, морковь, помидоры и т. д. На приусадебном участке сажать картошку. Через некоторое время в огороде, когда появляются всходы, утром и вечером поливать грядки из кадушек, куда заблаговременно необходимо было натащить из колодца воды, и полоть многочисленные грядки. А на приусадебном участке под жарким июньским солнцем окучивать и мотыжить картошку. Вот такое счастливое детство «малолетнего каторжника» в деревне, пока родители с утра до вечера на работе добывают хлеб насущный!

Смерть вождя

В детстве многие рядовые события в деревне, да и в стране, нами восприни-

мались не так остро, какими они были на самом деле. Хотя события в стране исторического масштаба оставляли и у нас в памяти неизгладимый отпечаток. Удивительно, но я до сегодняшнего дня отчетливо помню событие, которое потрясло все тогдашнее мировое сообщество: от глухих деревень на бескрайних просторах Союза и до столиц государств мира. Никого оно не оставило равнодушным: многие искренне переживали и плакали, но, видимо, были и те, которые тихо, не подавая вида, радовались: «Теперь, наконец, проживем без страха за своих близких и за свою жизнь...».

В марте 1953 года мне должно было стукнуть шесть лет. Вполне взрослый член семьи. Я эту дату ждал с нетерпением. В этот день мама напекала мои любимые пирожки с картошкой, а мои родственники, да и соседи меня поздравляли и уже как взрослого начинали примечать и даже здороваться, как со взрослыми, подавая руку. Причем, несмотря на любые шалости, в этот день на наказания со стороны родителей было наложено табу. С первого дня этого весеннего месяца я с нетерпением начинал ждать, когда же оно наступит – 21-е число!

Однако в начале марта течение нашей безмятежной жизни нарушилось. 5 марта отец, придя с работы, в отличие от остальных дней был непривычно молчалив. Вечером он сообщил нам: умер товарищ Сталин – наш вождь и учитель. С этими словами отец достал черную ленту и прикрепил её к громадному портрету Сталина, висевшему у нас в переднем углу. Этот портрет мне всегда нравился, он был яркий и праздничный. На фоне красного знамени стоял усатый дядя в военной форме и всем улыбался. С этого момента у нас в доме уже не слышались привычные смех и шутки.

В последующие дни отец с раннего утра и после работы до позднего вечера сидел у радиоприемника и внимательно слушал

последние известия из Москвы. Следует заметить, что в те годы в деревне только у нас был радиоприемник «Родина-сигнал», по которому очень редко, так как надо было экономить батарейки, мы слушали «Пионерскую зорьку». Поэтому вот уже более 70 лет я помню веселую песню, исполняемую хором юных пионеров.

Наступило 9 марта 1953 года – день похорон товарища Сталина. Мои родители на работу не пошли. Чуть ли не с утра у нас был включен радиоприемник, который передавал из столицы траурные мелодии. Затем началась прямая трансляция с похорон. В эфире зазвучал траурный голос диктора (Юрия Левитана. – **В. К.**): «Говорит Москва. Колонный зал Дома союзов...».

Ближе к 11 часам нас отправили на печку, и в нашу избу начал собираться народ. Через некоторое время в неё набилось столько односельчан, что многие, не поместившиеся в комнате, стояли в сенях и через открытую дверь слушали репортаж с траурного митинга на Красной площади. Все плакали. То и дело слышались возгласы: «Как теперь мы дальше будем жить? Что же будет со всеми нами?..».

Мы, малышня, сидя на печке, поддавшись всеобщему печальному настроению скорбящих людей, также начали реветь во весь голос. Нас никто не успокаивал – всем было не до нас. Страну накрыло траурное крыло печали. Это событие я запомнил на всю жизнь...

Глава 2. Школьные годы чудесные

Весной 1954 года мне стукнуло семь лет и с 1 сентября предстояло идти в школу. С утра, принарядив меня во все новое, в том числе и в красные штаны, мама повела меня в местный семилетний «храм науки». С самого начала, смущаясь под взглядами сверстников и особенно к сверстниц, я никак не мог привыкнуть к своему необычному наряду, и особенно к красным шароварам. В связи с этим я, виляя то влево, то вправо, плохо держался на дороге. И наконец, дойдя до середины нашей улицы, у колодца-журавля влетел в грязную лужу. Как все случилось, я до сих пор понять не могу.

Реакция мамы была мгновенной – она отшлепала меня по мягкому месту и, сгорая от негодования, потащила обратно. Дома, получив еще одну дозу воспитательной «пилюли», меня облачили в привычные штанишки и вновь повели в школу. Так как времени уже не было, то мы с мамой быстро добежали до школы. Несмотря на предстоящее разбирательство и оргвыводы, тем не менее настроение у меня было приподнятое – одежда на мне была привычная, и я точно знал, что не буду предметом насмешек со стороны моих сверстников, и особенно пацанов нижнего конца нашей Пролетарской улицы, с которыми мы давно не ладили. Правда, некоторые из них, когда мы стано-

вились «стенка на стенку», со злорадством вспоминали мои красные «командирские» штаны... хотя они их на мне так ни разу и не видели. А это главное!

Школа наша вместе с административно-культурными зданиями (правление колхоза, сельский Совет, почта, магазин, клуб и пожарка) находилась на перекрестке улиц в центре села. «Храм науки» располагался на левом берегу безымянной речки, протекающей с запада на восток. Она село делила на две равные части по две улицы на обе стороны. Через речку был перекинут мост.

Глядя с высоты птичьего полета, здание школы в плане напоминало букву «Г», в перекрестии которого находилось с 1884 года старое здание с двумя смежными классами и учительской¹. К нему позднее были пристроены классные комнаты с холодными коридорами. Летом в них была приятная прохлада, а зимой нестерпимый холод. В классных комнатах стояли круглые, обитые жестью печи, которые к нашему приходу были уже заранее натоплены. При этом, чтобы сорвать урок, иногда некоторые маленькие злоумышленники перед началом занятий в печку подбрасывали куриный помет или другой подобный навоз.

Зимой иногда из-за низких температур, нам на радость, отменяли занятия. При этом мы, придя домой, с глаз долой куда подальше закидывали сумки с учебниками и с ледянками неслись на горку, и там, несмотря на мороз, с ребяташками катались до самого вечера.

¹ В селе Ардатово церковно-приходская школа была открыта в частном доме в 1884 году. Первой учительницей и завучем школы была Евлампия Фёдоровна Григорьевская. Дети учились в двух классах в здании, которое стояло на берегу безымянной речки, протекающей посреди села. Вскоре после Октябрьской революции 1917 года в этом же здании открывается четырёхклассная школа, при этом занятия велись в две смены. Учителями были приезжий Владимир Сергеевич Ястребов и местный житель Федот Васильевич Сульдин. В 1923/24 учебном году в село приехал молодой учитель Карасев Иван Иванович, а Ястребов перешел в качестве учителя в Дубёнскую семилетнюю школу. Через некоторое время покинет Ардаговскую школу и Ф. В. Сульдин, так как он будет заниматься педагогической наукой и в 1939 году защитит диссертацию на звание кандидата философских наук. Позднее он напишет и издаст учебник для 4-го класса – «Эрзянь кель».

В конце 40-х годов было принято решение в селе открыть семилетку. В соответствии с этим к старому зданию пристроят два новых крыла, в которых будут размещены дополнительные классные комнаты.

Современное двухэтажное здание средней школы построено в 1974 году. В настоящее время в школе работают 16 преподавателей. Ныне в школе обучаются более 70 учеников.

Следует отметить, что к началу учебного года первоклашек набралось достаточно много, и поэтому нас расписали по 1 «А» и 1 «Б» классам. Сначала меня определили в 1 «Б» класс. Мы сидели в правой от входа половине «поповского дома», а через перегородку от нас сидели ребята 2-го класса. Учительницей в обоих классах была Клавдия Васильевна. Через некоторое время, по результатам моего поведения на уроках и соответственно успеваемости, моя мама – учительница 1 «А» класса перевела меня в свой класс, который располагался в помещении пристройки к старому зданию, вдоль безымянной речки. Чтобы я во время уроков не разговаривал с соседом по парте, меня моя мама посадила с девочкой – Раей Еряшевой, но она мне сразу понравилась, и мы с ней начали дружить. В нашем классе в основном учились ребята с Пролетарской и Кооперативной улиц, а также двое – с улицы Советской².

И с этого момента мне приходилось быть примерным во всем и не только в школе, но и дома. В основном за это несли ответственность мои уши и ноги: первые страдали из-за моих шалостей, а вторые от стояния по углам из-за разговоров на уроках. Но удивительно, со временем я стал примером во всем в нашем классе, а дома для брата Васи, которому еще расти и расти. В связи с этим он с завистью смотрел, как я, делая домашние задания, выводил в тетради свои каракули, которые назывались буквами. Он чуть ли не каждый день канючил, что так же, как и я, хочет ходить в школу. Через некоторое время его желание исполнилось: так как его дома оставлять было не с кем, то он с мамой стал ходить в школу. В классе он за свободной партой сидел тихо в качестве «вольнослушателя».

Постепенно я втянулся в ритм школь-

ной жизни. С каждым днем, сидя за школьной партой, успешно постигал азы науки. Незаметно пролетело «бабье лето» и настала ненастная осенняя пора. Старшеклассников «мобилизовали» на колхозные поля на уборку свеклы и картофеля. Хотя нас, первоклашек, сия колхозная доля не задела, но у себя дома мы вкусили её всласть. И если бы не помощь наших родственников: тетя Ани, Раи и Насти, то мы копались бы в земле до октября, а так управились в сентябре.

Монотонные дни в школе скрашивал всеобщий наш любимец – симпатичный пес нашей уборщицы – Бобик. Лохматое, добродушное существо во время уроков лапой открывало дверь в класс и начинало обход первоклашек, собирая дань с каждой парты. Бобик, особенно не церемонясь, обнюхивал наш нехитрый скарб, доставал оттуда лакомые кусочки и тут же, за здоровье хозяина, – съедал. Все, хихикая от удовольствия, делали вид, что «лохматого грабителя» не замечают, а пес, деловито махая пушистым хвостом, проходя между партами, продолжал собирать дань. Ребятишки, полюбив пса, специально оставляли ему на видном месте любимые им лакомства. Как выяснилось, обходил он и другие классы, а во время перемен Бобик с удовольствием играл с детьми в догонялки.

Песнь о гордом «Варяге»

Многие мальчишки нашей необъятной страны, в детстве услышав по радио или прочитав в книге о подвиге наших защитников Отечества, раз и навсегда старались во всем быть похожими на своих героев и непременно стать либо моряками, либо летчиками.

Так вот и я, еще в первом классе, когда узнал о подвиге крейсера «Варяг», решил –

²С нашей Пролетарской улицы в 1 «А» классе учились: Буравкин Гена, Катаев Витя, Катаев Митя, Паркаева Таня, Письмерова Маня, Салмин Митя и Сульдин Саша; с Кооперативной улицы: Биушкина Маня, Вачаев Женя, Вечканов Алеша, Еряшева Рая, Зинкин Митя, Киндин Коля, Карпунькина Маня, Малыйкина Валя и Рузавин Коля; с Советской улицы – Жигин Алеша и ИONOва Лида.